

света завладеет тремя четвертями заключенного огненного человека, так что можно будет услышать прощальное пение лебедей, явно выраженные музыкальные звуки».

Следует заметить в конце этой фразы аллюзию на воспринимаемый слухом феномен, сопровождающий успешное завершение одной из решающих операций алхимического делания.

По представлению алхимиков, рассматривавших металлы не как некие бездушные вещества, но как живые существа, следовало исходить, отмечает Василий Валентин, «... из определенного металлического корня, из которого по предопределению Творца должны происходить металлы».

Первичная материя минерального происхождения, с которой надлежало начинать работу, должна была «соединять в себе два тела и семя», то есть два взаимодополняющих начала (мужское и женское - активное и пассивное), и плюс к тому соль.

В своем трактате «Забытое слово» Тревизан пишет о воде следующее: «Вода сама по себе творит все, поскольку она все растворяет, коагулирует все, что сгустилось, и разрывает все без посторонней помощи; в ней самой содержится нечто окрашивающее и окрашенное. Короче говоря, наше творение есть не что иное, как пар и вода, которая все очищает, моет, белит и окрашивает».

Но о какой воде идет речь - о простой ли питьевой? Это весьма сомнительно. Точно так же закрадывается сомнение, когда читаешь в «Книге Латефия» следующий пассаж: «Эта вода есть белый пар, проникающий в совершенные тела и соединяющийся с ними подобно тому, как душа соединяется с телом».

В своей «Книге о естественной философии металлов» Бернар Тревизан поясняет, что, дабы преуспеть в алхимическом делании, необходимо использовать первичную материю, добытую из рудника и находящуюся на стадии двойного минерала: «Наше творение происходит от одного корня и двух ртутных субстанций, взятых совершенно необработанными, извлеченных из рудника цельными и чистыми, соединенных огнем любви».

Если верить Василию Валентину, философский камень сначала бывает твердым, он являет себя в твердой и кристаллизованной форме. Однако, по мере того как его начинают использовать, он даже при обычной температуре размягчается и в конце концов переходит в жидкое состояние - тогда он становится универсальным Меркурием, сияющим в темноте, «точно маленькое солнце». Велик соблазн истолковать это его свойство как радиоактивность. Именно поэтому, повторяем, очень важно всегда воздерживаться от слишком поспешного уподобления средневековых алхимиков нашим современным «дробителям атомов».

Однако трудности интерпретации все более возрастают для историка, когда он осознает тот факт, что средневековые алхимики (и их преемники) предпочитали наслаивать одно на другое два параллельных смысла.

Вот, к примеру, текст «Книги Артефия», в котором второй смысл с очевидностью наслаивается на простое описание конкретного феномена, наблюдаемого в лаборатории (выделение газа): «Но как только он начинает подниматься, он перерождается, заряжается в воздухе, он наполняется в нем жизнью и становится совершенно духовным и нетленным».

Тот же самый пассаж с успехом можно применить к фазе возгонки не на уровне работы с минералами, но в стадии внутренних метаморфоз, кои претерпевала психика алхимика в процессе делания. В нем можно также усматривать аллюзию на одну из наиболее трудных для интерпретации герметических поговорок-рекомендаций: «Solve et coagula» («Растворяй и сгущай»). Эта формула, несомненно, означала определенную фазу завершающих трансмутационных операций Великого Делания, но при этом подразумевались также и другие процессы, касавшиеся, очевидно, тайны перемещения тел. Адепт будто бы обретал способность, если он достигал поистине тотального успеха, «растворять» (solvere) свое физическое тело, «сгущая» (coagulare) свою нетелесную,